

на постамент. Даже когда комсомола уже не стало и никто с него ничего не требовал, он продолжал биться и «пинать» афганцев: «Что же вы сиднем сидите! Надо что-то делать!»

Но все это было потом, а пока, в 1989 году, красноярская организация Союза архитекторов объявляет конкурс, установив достаточно серьезные требования к претендентам. Но работ все равно поступило очень много. Были разные идеи — взрывы, кресты, какие-то символы скорби... Победила, пройдя все три этапа конкурсного отбора, работа скульптора Бориса Мусата и архитектора Сергея Геращенко, которую сейчас знает вся Россия. Говорим об этом безо всякого преувеличения — наш, красноярский, памятник павшим афганцам стал одним из первых в стране.

Красноярцам вообще повезло с авторами. Проникся духом той войны Борис Мусат. Сергей Геращенко разработал идею с местом установки памятника. Гора, склон. Рядом — дорожная развязка, по аналогии с афганскими трассами. Позади — храм. Арка между жизнью и смертью. Все получилось именно так, как задумывалось.

— Тема для скульптора была новая. И нам приходилось выступать в качестве консультантов, показывать, как ходили в горах, как держали оружие. Потому что художник — это одно, а как было на самом деле — другое. Скульптор стремился добиться максимального реализма, приблизиться к правде, — вспоминает Эдуард Исаченко. — Договорились с крайвоенкоматом, нам выделили учебный автомат. Я приезжал к Борису Ильичу в мастерскую, позировал. Позировали и студенты архитектурного института. Но у скульптуры нет конкретного прототипа. Это собирательный образ. Со всего края привозили фотографии погибших парней, которые мы смогли достать. Он смотрел, выбирал...

Солдат одет в так называемую «эксперименталку» — форму, которая начала внедряться как раз в Афганистане. Редкость, которую в то время в Красноярске было очень трудно найти. Но нашли, привезли. Были долгие споры по поводу головного убора. Многие хотели, чтобы он был в берете, но решили, что не нужно выделять какой-то отдельный род войск. Воевали и погибали все — и летчики, и артиллеристы, и десантники, пехота. Памятник должен

Анатолий Щелканов, завотделом горкома ВЛКСМ (в 90-е годы), и Эдуард Исаченко, председатель КРОО участников военных конфликтов «Бастион». 2011 г.

быть одним для всех воинов-интернационалистов. И поэтому солдат стоит в кепи.

Тем временем была объявлена акция по сбору средств на изготовление памятника. По заводам, по всем комсомольским организациям края прокатилась волна субботников. Деньги сдавали ветераны, матери погибших, простые красноярцы, которых с Афганом ничего не связывало. Афганцев это поразило: «Была очень хорошая эмоциональная волна». В итоге памятник получился по-настоящему народным.

Потом занимались отправкой. Гипсовая скульптура была вылеплена в полный рост, ее нужно было упаковать и отправить на завод для отливки. Писали письмо на Красноярский ЛДК, чтобы выделили материалы.

— Тогда же не было ничего — ни гвоздей, ни досок, — возвращается в прошлое Эдуард Исаченко. — Но руководство предприятия пошло нам навстречу, выделило все необходимое. Платы не взяли. Мы привлекли своих друзей-однополчан, по выходным приходили, колотили ящики, грузили.

Скульптуру отливали в подмосковных Мытищах. Самое начало 90-х годов, страшная инфляция, дикая чехарда цен. Бронза несколько раз поднималась в цене. Деньги превращались в ничто, их приходилось искать снова и снова.

Фигуру привезли в Красноярск. И здесь памятник пролежал... более четырех лет. Долго согласовывали